

К 100-летию со дня рождения Александра Александровича БЛОКА

**Твой взгляд —
да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь:
мир прекрасен.
Познай, где свет, —
поймешь, где тьма...**

НА ЗОЛОТУЮ ПОЛКУ

Наш корреспондент беседует с заместителем секретаря правления Союза писателей СССР, ответственным секретарем Всесоюзного комитета по подготовке и проведению юбилейных торжеств В. А. УВАРОВЫМ.

— Владимир Алексеевич, чем порадовали издателя читательскую аудиторию к столетию поэта!

— Приведу лишь несколько примеров. Центральными и республиканскими издательствами выпущено более сорока изданий тиражом, превышающим четыре миллиона экземпляров. Это прежде всего шеститомное собрание сочинений. Первый том подписчики уже получили, на днях выйдет второй. Увидели свет более двадцати сборников стихов поэта. Драматическое творчество Александра Александровича представлено в книге «А. Блок. Театр». Вышли из печати сборники «Блок и литература», «Блок об искусстве».

Среди новинок хочется еще отметить второе издание книги В. Орлова «Гамаюн», двухтомник «Блок в воспоминаниях современников».

— Какие еще новинки появятся в будущем!

— Наиболее интересным и значительным будет академическое полное собрание сочинений и писем поэта. Его готовят Институт мировой литературы имени М. Горького АН СССР совместно с Институтом русской литературы (Пушкинским домом). В пятнадцатитомник поэта войдут новые блоквские тексты и материалы.

— Какими еще событиями отмечено столетие!

— С 24 по 26 ноября прошла Всесоюзная научная конференция в Пушкинском доме. С началом ее работы в городе на Неве в Литературном музее А. С. Пушкина открылась выставка, посвященная юбилею поэта. Такая же выставка откроется сегодня в Центральном литературном музее столицы, 25 ноября в Ленинграде на одном из домов, где жил Александр Блок, открыта мемориальная доска.

На сцене Ленинградского Большого драматического театра скоро состоится премьера спектакля «Роза и крест». Готовит эту постановку и Московский театр имени Евг. Вахтангова.

— Коллекционеры надеются, что их собрания тоже пополнятся новыми экспонатами.

— Для них выпущены сувениры, значки, открытки. В день юбилея филателисты получат новую марку и конверт. Монетный двор выпустит юбилейную памятную медаль.

Н. ЗУЕВ.

Дом в усадьбе Шхматово. Рисунок А. БЛОКА.

Музей-квартира

Нанануне юбилея в Ленинграде открылась музей-квартира А. А. Блока. Это дань города на Неве памяти великого поэта. Здесь, на улице Декабристов, 57, написаны «Роза и крест», «Двенадцать», «Снифы», статья «Интеллигенция и революция». Здесь бывали у поэта Есенин и Станиславский, Мейерхольд и Чуковский, музыканты, художники.

Материалы музея основаны на обширных собраниях ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) и коллекции московского инженера Н. П. Ильина. Сюда будут приходить тысячи и тысячи людей, чтящих память поэта и гражданина.

В. ЧУЛЬ.
Ленинград.
Фото ТАСС.

РАМПА ЕСТЬ ЛИНИЯ ОГНЯ

Современники, слышавшие Блока, единодушно вспоминают о необыкновенно сильном впечатлении от его непривычного, как будто монотонного, ровного и глуховатого чтения. Никакой аффектации — сдержанность, строгость, благородство. Возможно, загадка была в личном «магнетизме» великого поэта? Но вот в 1920 году филолог С. Бернштейн записал на восковые валики фонографа 16 стихотворений, прочтенных Блоком, «отделив» таким образом голос от его обладателя. И что же? Ученый был поражен силой художественного эффекта, о чем тут же и сказал поэту. «Это общий принцип искусства: экономия выразительных средств», — пояснил Блок. — Я знаю это, может быть, потому, что прежде был актером». Так, уже в конце жизни, вспомнил поэт свою юность, когда в 1897 году заполнял он импровизированную анкету, в которой, помимо прочего, были такие вопросы-ответы: «Чем я хотел бы быть?» — «Артистом императорских театров». «Каким образом я желал бы умереть?» — «На сцене от разрыва сердца».

В. Пяст вспоминал, что «известности Блока (в передовых артистических кругах) как поэта предшествовала его известность как декламатора».

Вскоре призвание поэта целиком захватило Блока, но любовь к театру осталась на всю жизнь. Юношеское же увлечение сценой и декламацией не прошло бесследно, проявляясь иногда совершенно неожиданно. Так, в числе любимых монологов, которые читал юный Блок, был монолог Дон-Жуана из одноименной драматической поэмы А. К. Толстого. Спустя много лет в известном стихотворении Блока «Шаги командора» находят отражение не только основная идея и настроение толстовской драмы, но даже сознательно используются слова Командора: «Ты звал меня на ужин».

«Театральное действие уже больше слова» — считал Блок. Любовь его к театру отрази-

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Воспоминания поэта Сергея ГОРОДЕЦКОГО

Тысяча девятьсот третий год...
Читаем «Савинну книгу»...
Маленькая белая аудитория — из малообщаемых — Санкт-Петербургского университета.

...Со мной на одной парте рядом — стройный студент с соломенно-пепельными, слегка вьющимися волосами над высокими и неширокими матовым лбом, с светло-серыми глазами, вдруг раскрывающимися, как окно в пустыню, с тонким правильным носом и красивым, слегка скорбным ртом. (Он затянут в темно-зеленый сюртук, безупречно облегающий его сильный стан, с темно-синим воротником, что было отличием от «белоподкладочников», носивших голубые воротнички на светло-зеленом сюртуке. Но изящной манере носить сюртук может позавидовать любой белоподкладочник.)

Мы вдвоем следим за текстом по его экземпляру «Савинной книги», на оборотной стороне серой обложки которой свободно и даже размашисто написано: «Александр Блок».

Блок аккуратней всех посещает лекции, его тетрадками с записями славянских премудростей пользуемся мы все. Он с любезной, слегка снисходительной улыбкой одал-

живает эти тетрадки тем, кто пропустил лекцию: он не пропускает ни одной.

Много дней и много недель бывали такие встречи, пока в какой-то поздневесенний день я не узнал, что мой сосед, занимаясь сербским языком, в то же время писал непонятные и странно волнующие стихи:

Запевающий сон,
зацветающий цвет,
Исчезающий день,
погасающий свет.

И потом:
И не помню — откуда
дохнула в лицо,
Залевая, сгорая взошла
на крыльцо.

Фразы без подлекащего! Какой волшебной дерзостью казалося это тогда!

И мы с вопрошающим восторгом всматривались в спокойное, как у античной статуи, лицо товарища и удивленно встречали его утвердительную улыбку: «Да, так!»

И верили его ответу, потому что стихи завораживали. Многие из нас писали стихи, но тайной музыки никто не владел.

Не помню дня, когда Блок позвал меня к себе домой. Но было это под вечер, когда бледно-алая петербургская заря золотила медленные воды Невки, по мосту через которую мы шли к Гренадерским казармам, где жил Блок со своей матерью в квартире отца.

Мы вошли в небольшую белую узкую комнату.

У стены против двери стоял длинный диван. Блок тотчас сообщил, что это диван от бабушки, и на нем сидел Достоевский. Между диваном и окном простой письменный стол со стопкой аккуратно нарезанных четвертушек бумаги, на которых — не больше трех-четырёх строк — Блок писал и начисто переписывал стихи...

Все разговоры с Блоком всегда начинались длительным, испытующим молчанием. Тем для беседы было много, но над всеми доминировала одна: стихи. И с чего бы ни начинался разговор, он кончался или тем, что Блок говорил: «Прочти, что написал». Или тем, что сам брал какой-нибудь листок из четвертушек и читал.

Помню, как однажды вдруг после «запевающего сна» поразил меня совсем другой, как будто и не блоквский голос:

— Все ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

Это стихотворение, как теперь я вижу, помечено 3 марта 1903 года. А кажется, что оно написано в пятом. Тогда еще не было и не могло быть видно, что в последней строчке его уже поставлена тема «Возмездия»...

Публикация
В. ЕНИШЕРЛОВА.

Звучи, живая речь

На каждом крупном художнике лежит особая миссия. Осознает ли он ее сам в колоссальных исторических масштабах или нет, трудно сказать. Пушкин, судя по всему, осознавал, кажется. Своя миссия была у Маяковского. Своя миссия была у Есенина. Блок стал в самые же первые дни новорожденного государства переводчиком той гуманистической культуры, которую выработало человечество.

В резких социальных сдвигах того времени могло даже поначалу показаться, что прошла резкая грань между великой русской и новой восточной. Очень важно было, чтобы кто-нибудь из признанных художников слова на новом материале показал, что великая социально-этическая последовательность не прервется, не погаснет, что замечательные эстетические традиции не исчезнут. И это можно было прежде всего зримо показать, откликнувшись на живые суровые события времени. Эту роль, не сразу заметную, как бы взял на себя Александр Блок — великий поэт XX века. Поэт любви, подвига и трагедии. И тем самым совершил социальный и национальный подвиг. Блок — один из тех редких художников, который в переломный и трудный момент жизни нации стремился не замкнуться, но с высоты духа и культуры прийти к общенародности. Блок совершил это, написав поэму «Двенадцать». «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием» он слушал музыку Революции. Мы, люди новых поколений нашей страны, благодарны поэту за эту незамысловатую, неотгороженную от нас.

Но Блок, призывая своих современников слушать музыку

Революции, всей своей поэзией и публицистикой фактически также звал не отрехаться и от собственной истории и от собственной, выстраданной веками, и от всемирной культуры. Он как бы призывал, да и сейчас призывает нас, слушать музыку Истории, музыку Культуры. В диалектической взаимосвязи с поэмой «Двенадцать» находится — ощутимо это чувствуется — знаменитый стихотворный цикл А. Блока «На поле Куликова». Блоку вообще в большой степени свойственно обостренное чувство русской судьбы, родной земли, ее духа, ее боли во плоти и того, что можно назвать чувством поля Куликова. Максим Горький назвал его в одном из писем «чечовским» и поэтом бесстрашной искренности.

Существует фотография: Блок на смертном одре. Я смотрел и не мог отделиться от мысли, что это лицо умершего Дон Кихота.

Бесстрашная искренность продолжает звучать в каждом слове Александра Блока. И это помогает жить и работать.

Звучи, звучи, живая речь
Поэта Александра
Блока

Встречь разуму
и свету встреч
В порыве мощном
и глубоком.

Звучи же, вписываясь равно
В мир городов и деревень,
В ноябрь туманный,
в теплый август,
И в тяжкий, и в счастливый
день.

...И не отринуть, не отречь
Строку от родины и сроков.
Звучи, звучи, живая речь
Поэта Александра Блока!

Владимир ЛАЗАРЕВ.

В дни Октября

Разбираясь недавно в своем архиве, я случайно наткнулся на пожелтевший лист с напечатанными и выцветшими от времени буквами. Это было мое стихотворение «Первые дни Октября», которое написано в 1921 году незадолго до смерти Блока с посвящением Александру Александровичу. Оригинал я отправил адресату, а копия пролежала в моих бумагах почти 60 лет. Предлагаю ее вашему вниманию:

Мне двадцать шесть.
На улице восстание.
Я не политик, правда,
но душой
За власть народа,
за его созданье —
За Сознарком,
и за размах большой.

Я не имел удобной
и поместий,
Я был поэт, я на мансарде
жил.

Я с жадностью
читал листок «Известий».
Он голову мне, как вино,
кружил...

Керенский собирал
у Петергофа
Горсть юнкеров,
а Александр Блок
Уже кончал пленительные
строфы
«Двенадцати» —
спокоен, светел, строг.

А дни неслись,
как испуганные птицы.
Был счастлив тот,
кто Робину любил,
Кто не любил —
бежал в Париж и Ниццу
И там свои надежды
хоронил.

Дни Революции историю
листали,
А тени тех,
что в битвах полегли,
За Вами, Александр Блок,
стояли.

Чтоб Вы
«Двенадцать» написать
смогли.
1921 г.
Рюрик ИВНЕВ.

Юному поэту

Сегодня под Пензой открывается Блоквский мемориал. Скульптурная композиция расположена вблизи тех мест, где в 1890 году Саша Блок вместе со своей матерью и отчимом жили в деревне Урейка у старшего из братьев Бекетовых — Алексея Николаевича.

Пензенская земля... Кто только из деятелей науки и искусства не побывал на ее просторах. Земля Лермонтова, Белинского... И вот сейчас, в дни юбилея, как бы вновь услышались шаги юного Блока — будущего великого поэта.

На осеннем фоне скульптура, отлитая из бронзы, кажется легкой и прозрачной. У самого памятника — камень с начертанными на нем строками из стихотворения о России:

...Твои мне песни ветровые,
— Как слезы первые любви!
Чуть ниже цифры: 1880—1980.
Поодаль — бронзовые пилоны с рельефными портретами А. Н. и Н. Н. Бекетовых. Пилоны — как два крыла за спиной юноши... Автор мемориала — скульптор Н. А. Матвеев.

З. АНДРЕЕВА.
Пензенская область.

На снимке: центральная скульптура нового мемориала

куства классического» для театрального репертуара. Его не смущало то, как он верил, «короткое, переходное время, когда «Макбет» пойдет перед пустым залом», потому что пресыщенным слухом уже будет скучно, а «душевно голодные, внимательные и чуткие люди» еще не дорастут до понимания великого творения Шекспира. Это говорил художник, который уже в 1908 году понимал, что народный театр, «театр с новым зрительным залом, театр большого действия и сильных страстей способен в ближайшем будущем занять первое место».

Блок настороженно относился к разного рода «новациям» в театральном искусстве. В 1920 г. он мудро предостерегал от неоправданных экспериментов при постановке классических произведений. Приводя в пример искания Мейерхольда, Блок подчеркивал: «Я люблю и уважаю это чувство лично в нем. Но театр ведь есть общее дело, следовательно, здесь или нужно победить, покорить своей личностью всех, или — покориться многим, принести себя в жертву, найти какой-то средний путь». В речи перед актерами Большого драматического театра, верными классической традиции, Блок говорил: «Мы не хотели делать Отелло бледнокожим, мы не захотели бы срывать корону с короля Клавдия прежде, чем захотел этого Шекспир, мы не превращали Поэзу в современного неврастеника либерализма». Он воздавал должное театру, который «не развращал себя праздными мыслями о том, что во времена Шекспира не было декораций, что для быстрых перемен нужно ждать вертящейся сцены, что путь примитива иногда прямее пути современного грузного театра». Удивительно современно звучат сегодня эти блоквские слова, слова челсева, для которого театр был «столь близкой и родной... издавна» стихией.

Н. КОЛОСОБА.